

Ночь в Ваньчэне дышала покоем. Небо — чистое, глубокое, усыпанное колючими звездами; вдали на холмах чернели густые тени лесов. Голые ветви, еще не успевшие одеться весенней листвой, переплетались в причудливые узоры, замирая в безмолвном ожидании тепла.

Лагерь Цао Цао расположился на открытой равнине. Костры, горевшие по периметру, немного смягчали сырую прохладу ранней весны. Вокруг шатров с размеренным, четким стуком проходили патрули; дисциплина в войсках была железной.

Сидя на циновке, Цао Цао некоторое время хранил молчание, прежде чем обратиться к замершему перед ним Сюнь Ю:

— Ты полагаешь, просьба Чжан Сю перевести войска в Туньчжун — лишь уловка? Что он вовсе не за порядок среди солдат опасается?

— Именно так, — Сюнь Ю нахмурился, его голос звучал напряженно. — Хотя сегодня, когда он пришел с этой просьбой, я не заметил в его поведении ничего подозрительного, на душе у меня беспокойно. К тому же я слышал, что в его штабе служит некто Цзя Сюй. Этот человек искушен в интригах и мастер на коварные замыслы. Господин, вам стоит быть начеку.

— Но ведь Чжан Сю уже сдался на нашу милость, — возразил Цао Цао. — В его лагере действительно много дезертиров. Просьба собрать людей в одном месте не кажется мне чрезмерной.

— Но то, что он просит позволить воинам надеть доспехи якобы из-за нехватки повозок при переезде... Это не может не внушать подозрений, — Сюнь Ю подался вперед, его беспокойство становилось почти осязаемым.

Цао Цао жестом велел ему сесть.

— Не горячись, Гунда. Давай обсудим всё спокойно. Я ценю твою проницательность, но...

Договорить он не успел. Снаружи донеслись крики и топот. Сюнь Ю мгновенно вскочил и бросился к выходу.

— Что там происходит?

— Господин военный советник, всё в порядке! — отозвался часовой. — Это полки генерала Чжан Сю передислоцируются.

Сюнь Ю огляделся. В лагере было шумно, но паники не наблюдалось. Он вернулся в шатер, всё еще чувствуя смутную тревогу.

— Это люди Чжан Сю. Они начали движение.

— Вот видишь, — усмехнулся Цао Цао. — Ничего не случилось. Ты просто слишком мнителен.

Сюнь Ю сел на место, но он всё ещё волновался. Воздух вокруг словно наэлектризовался, предвещая беду. И предчувствие не обмануло его: вскоре обычный шум переезда сменился лязгом стали, криками боли и яростным ревом нападающих.

Цао Цао вскочил, опрокинув стул. Шатры за дверью уже полыхали, в ночном небе засвистели стрелы.

— Где Дянь Вэй?! — рявкнул он, хватаясь за меч, и обернулся к советнику: — Где Вэньжо?

— Мой дядя...

— Нет времени! Ищи его! Пусть братья Сяхоу защитят вас и помогут прорваться. Спасайтесь любой ценой!

Цао Цао выбежал из шатра. Пока Дянь Вэй, неистово вращая парными железными алебардами, сдерживал первый натиск предателей, господин вскочил на своего даваньского скакуна. Пригнувшись к гриве Цзюэина, он сквозь дым и пламя рванулся прочь из гибнущего лагеря.

Слава Дянь Вэя как непобедимого воина была заслуженной. В одиночку он преградил путь целой армии. Он описывал алебардами кровавые дуги, он разил врагов сотнями, оглашая ночь яростным криком. Кровь брызгала на землю, лошади спотыкались о груды тел. Даже будучи израненным, гигант стоял насмерть, закрывая собой выход из лагеря. Поняв, что в ближнем бою его не одолеть, люди Чжан Сю взяли за луки. Облако стрел накрыло героя. Дянь Вэй, чье тело пронзило больше десятка наконечников, продолжал биться, пока силы окончательно не оставили его.

Зарево пожара окрасило небо в багровый цвет, затмив свет звезд.

— А-а-а! — последний рев потряс воздух. Дянь Вэй замер, пронзенный в спину копьем. Он стоял неподвижно, всё еще сжимая оружие, словно каменное изваяние. Великий воин пал, но даже мертвым он внушал такой ужас, что враги долго не осмеливались подойти к его телу.

Тем временем Цао Цао мчался к реке Юйшуй. Следом за ним скакали Цао Ан и Цао Аньминь. Стрелы градом сыпались им в спины. Цао Цао был ранен в плечо, а его верный конь получил три раны. Хуже всех пришлось Аньминю: стрела угодила ему прямо в грудь, и он, захлебнувшись кровью, рухнул под копыта.

Цао Ан, обладавший недюжинной силой и мастерством, держался уверенно. Одной рукой он правил конем, другой — отбивал летящую смерть. В голове его билась одна мысль: выжить. Он

помнил, что обещал Цзыхуаню вернуться живым, обучить его искусству войны и фехтованию.

Они достигли берега Юйшуй и бросились вплавь. Но едва они выбрались на другой берег, как шальная стрела выбила глаз даваньскому скакуну Цао Цао. Конь с истошным ржанием рухнул, придавив всадника.

Цао Ан мгновенно спрыгнул на землю и помог отцу подняться, подсаживая его в свое седло. Враги были уже близко, времени на споры не оставалось.

— Отец, на этом коне вы спасетесь! — твердо произнес Цзысю. — Я прошу лишь об одном: позаботьтесь об А-Пи.

— Цзысю! Ты...

Цао Ан, не дав отцу договорить, с силой хлестнул коня нагайкой. Скакун унес Цао Цао в ночную тьму, оставив сыну лишь прощальный взгляд, в котором смешались отчаяние и гордость.

— Цзысю-у! — крик отца растаял вдали.

Оставшись один перед лицом приближающейся конницы и лучников, Цао Ан посмотрел в сторону уезда Суй. Он вонзил меч в землю перед собой, замирая в странном, почти неземном спокойствии.

Грянул залп. Стрелы прочертили небо. И в этот миг Ан почувствовал не боль, а тишину. Перед его мысленным взором предстала гора Шоуян, усыпанная огненными цветами «Весны восьмого месяца». Там, в сиянии закатного солнца, стоял его младший брат и улыбался — так ярко, словно всё это было лишь сном.

Сердце сжалось. Но он убеждал себя: это не тоска, это лишь холод стали, пронзившей грудь. Ему больше не нужно было беспокоиться, кто утрет слезы А-Пи, когда тот будет печален. Он верил: его брат справится. Его брат будет жить.

Тело Цао Ана качнулось и упало в холодные воды реки. Брызги взметнулись вверх, кровь тонкими струями окрасила поток. Ему больше не нужно было спешить на битвы. Вода была ледяной, но он уже не чувствовал холода.

Смерть не страшна. Она просто приходит внезапно, забирая тех, кого мы любим, оставляя нас бессильными перед вечностью.

Мир не остановился. Солнце всё так же будет сменять луну, трава — зеленеть и сохнуть. Просто на земле стало одним человеком меньше. Одним героем, который любил своего брата больше жизни.

Река несла его тело прочь, а в угасающем взоре отражался свет далеких звезд.

«А-Пи, я не в силах тебя бросить...»

В уезде Сюй жизнь текла своим чередом. Цао Пи, послушно выполнявший наставления старшего брата, закончил утреннее чтение и вышел во двор попрактиковаться с деревянным мечом. Там он увидел госпожу Хуань. Она сидела на солнце, баюкая новорожденного Цао Чуна.

Цзыхуань подошел к ней, вежливо поклонился и с любопытством заглянул в сверток.

— Пи-эр, хочешь поддержать брата? — ласково спросила госпожа Хуань.

Мальчик отложил деревянный меч и осторожно принял младенца. Глядя на крошечные ладошки брата, он подумал: «Интересно, когда я родился, Цзысю так же держал меня? С такой же нежностью и опаской?»

«Надо будет обязательно спросить его, когда он вернется».

— Он такой маленький, — прошептал Цао Пи, улыбаясь спящему ребенку.

— Да, — отозвалась госпожа Хуань. — Но Цаншу быстро вырастет. Станет таким же сильным, как его старшие братья.

— Цаншу? — удивился Цао Пи. — Это отец придумал ему такое имя?

— Да. Кстати, через несколько лет и у тебя, Пи-эр, появится взрослое имя.

— Знаю. Брат говорил, что отец уже всё придумал и для меня, и для А-Чжи. Только скажет нам после обряда совершеннолетия.

Госпожа Хуань кивнула на деревянный меч:

— Собирался тренироваться? Давай здесь, заодно и мне скуку разгонишь.

Цао Пи с готовностью согласился. Его движения, еще по-детски мягкие, но уже полные решимости, были подобны молодой иве, гнущейся под весенним ветром. Он танцевал с мечом под лучами утреннего солнца, и время, казалось, замерло в этом мирном покое.

Но весна — коварная пора. Вместе с первой зеленью в уезд Сюй вернулся Цао Цао. Но не победителем на лихом коне, а убитым горем человеком.

Был теплый полдень. Цао Пи, проснувшись после дневного сна, услышал во дворе голос отца и радостно выбежал навстречу. Однако в главном зале его ждало нечто иное.

Там висели белые траурные полотна. Отец стоял, почерневший от горя, а госпожа Дин заходила в рыданиях. Мальчик обвел взглядом комнату. Госпожа Бянь прижимала к себе Цао Чжи и странно, едва уловимо полуулыбнулась, а госпожа Хуань тихо плакала в стороне.

Цао Пи заставил себя улыбнуться. Он медленно попятился и вернулся в свою комнату. В голове билась нелепая мысль: «Как странно. Кто же умер, что всем так грустно?»

В тот день он долго сидел у окна, перебирая бамбуковые планки, на которых рукою старшего брата были выведены аккуратные киноварные знаки. Он читал их до глубокой ночи, и до самого рассвета.

Утром он, как обычно, умылся, оделся и пошел приветствовать родителей, завтракать и делать уроки. Жизнь, казалось, не изменилась. Только он стал часто замирать, глядя в пустоту. Он видел, как люди плачут перед гробом, в котором лежали лишь одежды покойного, и это казалось ему одновременно жалким и нелепым. Его тоже заставляли вставать на колени в траурном зале, но слез не было. Было только чувство глубокого недоумения.

Прошло несколько дней. Цао Цао пришел в комнату сына. Он долго смотрел на бледное лицо мальчика, не зная, что сказать.

— Пи-эр...

Цао Пи отложил свиток и поднялся:

— Отец.

Цао Цао положил руку ему на голову.

— Завтра, сын мой... Завтра мы предадим Цзысю земле...

Мальчик отвел взгляд.

— Брат обещал, что когда вернется, научит меня новым приемам. И еще он сказал...

— Твой брат... он больше не вернется, — голос Цао Цао дрогнул. Он чувствовал, как груз

прожитых лет и потерь придавливает его к земле.

— Он обещал дочитать мне «У-цзы», — продолжал Цао Пи, словно не слыша. — Он говорил, что мы...

— Цзысю мертв! — вскричал Цао Цао, не выдержав. Его лицо исказилось от боли и гнева.

Вздрогнув от крика, Цао Пи медленно повернулся к отцу. Он был в смятении.

— Вы лжете! Этого не может быть! Я не верю!

Хлесткий удар.

Это была вторая пощечина в его жизни. Цао Пи покачнулся, не сводя глаз с отца. И сквозь пелену шока он услышал хриплый голос Цао Цао:

— Я потерял Цзысю. Неужели я должен потерять еще и тебя?

<http://bllate.org/book/17368/1694406>